

В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

ПИСЬМО К г. З — НУ

Прочитав статью вашу в январской книжке «Библиотеки для чтения»¹, хотел я, милостивый государь, просить у вас свидания, чтобы в частном разговоре раскрыть вам глаза на неловкость, сделанную вами в этой статье. Но скоро я передумал: вы отличились публично; стало быть, публично надобно и показать вам, как вы отличились.

Вы имеете на деятельность Добролюбова взгляд, различный от нашего; это еще не заставило бы меня входить с вами в прения: ваше мнение не так важно, чтобы кому-нибудь стоило обращать на него внимание. Но есть в вашей статье несколько строк, претендующих определить мое отношение к Добролюбову, с похвальными эпитетами мне. Вы хотите засвидетельствовать для истории литературы факт, который был бы очень почетен для меня; если я оставлю ваши слова без ответа, то должно показаться, что я без возражений принимаю их за правду. Таковую роль я не могу взять на себя.

На страницах 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что в литературном кругу, к которому принадлежал Добролюбов, был человек, более его замечательный по дарованиям; этого человека вы почитаете учителем Добролюбова; вы приписываете этому человеку энергию убеждений, гораздо большую той, какую находите в Добролюбове². На 34 стр. вы о том же человеке говорите: «мы совершенно искренно уважаем некоторых из друзей покойного — бова, в особенности одного, о лицемерном непризнании заслуг которого мы, кажется, первые сказали, что оно преступило меру». Очевидно, что вы тут упоминаете статью обо мне, помещенную в одной из осенних книжек вашего журнала за прошлый год³. Очевидно, что под человеком, который был учителем Добролюбова, превосходил его талантом и энергиею, вы разумеете меня. Это принуждает меня разъяснить вам мои отношения к развитию образа мыслей Добролюбова, сказать, как представляется мне самому отношение моих сил к силам его и

какая разница действительно существует, по степени энергии, между мною и им.

Учителем Добролюбова я не мог быть, во-первых, уже и потому, что не был его учителем никто из людей, писавших по-русски. Довольно много пользы принесли ему статьи Белинского и других людей того литературного круга. Но не под их главным влиянием сложился его образ мыслей. Поступив в Педагогический институт летом 1853 г., он скоро привык читать книги по-французски, а с немецкими книгами начал знакомиться еще до поступления в институт. Если же даровитый человек в решительные для своего развития годы читает книги наших общих западных великих учителей, то книги и статьи, писанные по-русски, могут ему нравиться, могут восхищать его (как и Добролюбов восхищался тогда некоторыми вещами, писанными по-русски), но ни в каком случае не могут уже они служить для него важнейшим источником тех знаний и понятий, которые черпает он из чтения.

Что же касается влияния моих статей на Добролюбова, этого влияния не могло быть даже и в той, не очень значительной степени, какую могли иметь статьи Белинского. Я не имел тогда важного влияния в литературе⁴. В доказательство сошлюсь на «Современник» 1855 и 1856 гг. Пересмотрев эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопределенность тогдашней моей роли*. Когда же это успел я до появления Добролюбова в лите-

* В корректуре вместо этой фразы: «Того, чтобы иметь работу в журналах, я добился только к весне 1854 г.; еще с год прошло прежде, чем получил я возможность писать так и о таких предметах, чтобы скольконибудь проглядывали мои особенные понятия в моих статьях. Да и то все продолжали мешать ясности и значительности моих работ разные условия, находившиеся отчасти в личных недостатках моего характера, отчасти в тогдашних журнальных отношениях к тогдашним литературным знаменитостям. В доказательство сошлюсь на первые книжки «Современника» 1855 г. В первых четырех книжках его помещены статьи: «О мысли в произведениях изящной словесности по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л. Н. Т. (графа А. Толстого)», статья В. П. Анненкова; «Первые драматические опыты Шекспира», статья В. П. Боткина. Если бы мой голос был тогда значителен в «Современнике», то понятно, что ни г. Боткин, ни г. Анненков не почли бы приятным и не нашли бы удобным печатать в этом журнале свои статьи. Позволю себе для разъяснения дела коснуться некоторых случаев частной жизни, характеризующих тогдашнее мое положение в литературе. Я тогда пользовался благосклонным покровительством г. Тургенева и г. Боткина: такой факт решительно показывает, что в моей литературной деятельности тогда еще не выступали заметным образом особенности, которые лишили бы меня их милостивого одобрения. Эти отношения, показывающие незначительность и неопределенность тогдашней моей роли, продолжались весь 1855 и почти весь 1856 гг. В свидетельство беру первые четыре книжки «Современника» 1856 г. В них были между прочим помещены статьи: «Георг Крабб и его произведения» А. В. Дружинина, «Героическое значение поэта» В. П. Боткина, статья о путешествии г. Гончарова, не подписанная, но, очевидно, принадлежащая тому же направлению, как и разбор «Семейной хроники» С. Аксакова, подписанный П. В. Анненковым».

ратуре приобрести такой заметный голос в ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Ведь Добролюбов начал помещать статьи в «Современнике» с половины того же 1856 г.

Для человека сообразительного было бы довольно фактов, отпечатанных курсивными и заглавными шрифтами в оглавлениях тогдашнего «Современника». Но для вас, милостивый государь, быть может, мало иметь факты, к которым самому надобно прилагать некоторое соображение; быть может, вам необходимы готовые, пережеванные заключения. Вы могли бы слышать их от каждого, имеющего близкие сведения об отношениях Добролюбова ко мне. Число этих людей не так мало, чтобы не приводилось встречаться с ними каждому, находящемуся в порядочном литературном кругу. Я должен заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умеете понимать разговоров, в которых участвуете. Но в том и другом случае все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имели в печати прямое мое свидетельство о факте, который совершенно опровергает вашу фантазию, будто я был учителем Добролюбова. Г. Пятковский вскоре по смерти Добролюбова напечатал в «Книжном вестнике» его некролог⁵, в котором прямо говорил, что биографические данные о Добролюбове получил от меня. Тут рассказывает он между прочим, что когда Добролюбов познакомился со мною, его образ мыслей уже был вполне установившийся; стало быть, с этой стороны я не мог иметь на него влияния. Всякому другому на вашем месте, милостивый государь, было бы понятно, что в этом случае г. Пятковский основывается на всем собственном признании.

Вам не случилось знать или не удалось понять ничего этого, иначе не могла бы вам притти в голову фантазия, будто я был учителем Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающим и не умеющим понимать уже не каких-нибудь частных фактов, а ровно ничего, когда фантазируете об отношениях моих дарований к дарованиям Добролюбова. Положим, вы не заглядывали в «Современник» 1855—1856 годов; положим, вы не читали того, что писалось о Добролюбове по его смерти; положим, вам не случалось встречаться ни с кем из людей порядочного литературного круга, — ни из «Отечественных записок» или «Русского слова», ни из «Времени» или «Современника»; но все-таки ведь читали же вы какие-нибудь статьи Добролюбова и какие-нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многие из них. Как же могли вы не заметить, что слишком смешно ставить написанное мною выше написанного им? *

* В корректуре после этих слов: «После этого вы способны ставить г. Островского выше Гоголя, г. Тургенева выше Пушкина. С другим человеком не нужно было бы рассуждать о разнице силы дарований во всех этих трех параллелях: он сам мог бы замечать ее. Но вам, милостивый государь, надобно, как я выразился, давать совершенно пережеванную пищу. Потому сообщу вам факты с прибавкою выводов из них».

С той поры, как Добролюбов мог беспрепятственно отдаться литературной деятельности до самого отъезда его за границу я не писал о тех предметах, о которых писал он. Я уже не разбираю ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметам, имеющим близкую связь с русской жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу в эти три с половиною года не приходила мне охота написать что-нибудь по этой отрасли дела, по которой прежде писал я постоянно и иногда не без внутреннего влечения к такой работе? Нет, я просто понимал, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы с статьями Добролюбова для сравнительной оценки нас обоих⁶. Поэтому я старался вовсе не писать для отдела критики и библиографии; а когда Добролюбов говорил мне, что он не успеет наполнить этих отделов в какой-нибудь книжке журнала и что нужна для них моя статья, я брал предметы, не входившие в круг его обыкновенных работ, — писал, например, об Англии и Франции по поводу книги г. Чичерина или о Тюрго⁷ по поводу диссертации г. Муравьева⁸. Даже в первую половину прошлого года, — когда он, оставаясь за границею, уже не имел под руками новых русских книг и потому необходимо стало мне писать для отдела критики, — я все-таки не писал ничего о беллетристических книгах и о сочинениях по тем отраслям литературы, которыми прежде занимался он. Я хотел избегать невыгодного для меня сравнения, надеясь, что он возвратится к нам, поправившись здоровьем, и возобновит свою деятельность*.

Всем известно, что через год или меньше по начале своего

* В корректуре после этих слов: «перед которою моя казалась бы слаба.

Вот видите ли, милостивый государь: приписывая мне такие преимущества, допускать присвоение которых себе было бы с моей стороны недобросовестно, вы забыли указать во мне одно достоинство, за которое, когда меня не станет, помянут меня добрым словом все знавшие меня: каковы бы ни были мои дарования, но, если я встречу в другом превосходство передо мной, я умею понимать такой факт и принимаю его; и я делаю это с искреннею радостью, что вот нашелся человек, который лучше меня может служить делу, которому обрелка и меня служить природа; и я делаю все от меня зависящее, чтобы открыть простор для деятельности такого человека, и, насколько допускает слабость моего характера, стараюсь оградить этого человека от стеснительного влияния разных литературных авторитетов.

Вот эта черта действительно существовала в моих первоначальных отношениях к Добролюбову. Когда он начал писать, я был уже не молод. Печатным образом могли называть тогда и могут еще много лет называть меня мальчишкою; но, видя мое лицо уже и тогда, в 1856—1857 гг., видели, что не одну пару бритв износил мой подбородок, а в разговорах со мной замечали, что я давно пережил увлечения молодости и совершенно степенен. Притом же, я и тогда имел хотя не бог знает какое видное, но все-таки некоторое прочное положение в литературном кругу: с оттенком покровительства, но не с совершенным пренебрежением удостоивали меня знакомства наши тогдашние литературные знаменитости в это время, когда Добролюбов только что кончил курс и еще имел 21 год от роду и не был знаком ни с кем

постоянного сотрудничества, к лету 1858 года или даже несколько раньше, Добролюбов имел уж преобладающее влияние в журнале. Почему это могло быть, когда тут был и я? Я не могу объяснить этого ничем другим, кроме его превосходства. Слава богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовестности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вам мало моего собственного суждения об этом предмете, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое от кого вам угодно из людей не совсем глупых и не совсем ничего не знающих о «Современнике». Они рассказали бы вам следующие факты: когда Добролюбов только что начал писать в «Современнике»*, его статьи приписывались мне, — но с прибавками, не лестными для моего самолюбия. «Из ваших статей в нынешней книжке самая удачная вот такая-то», — говорил мне какой-нибудь знакомый и называл статью не мою, а Добролюбова**. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смешивались с моими. А в конце 1858 и в начале 1859 годов уже не было ни одного человека в порядочных литературных кругах, который не выражался бы в том смысле, что Добролюбов — самый сильный талант в «Современнике». Наш круг знал это и гораздо раньше. Из этого вы можете видеть, милостивый государь, как не верны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшим из своих братьев, восторженным человеком своего кружка» (стр. 30) и будто бы «друзья покойного — бова ни при его жизни, ни после его смерти никогда не могли думать о — бове, чтобы он был первым чело-

из почтенных в литературе людей. Благодаря солидности моих лет мне удалось несколько облегчить Добролюбову путь к беспрепятственной деятельности в «Современнике». Я говорил кому было нужно, что этот человек обладает великим умом и талантом и что наш брат не должен опекуновствовать над ним; когда доходил до меня слух, что ту или другую статью его находят неосновательно люди, имевшие тогда голос в литературном кругу нашего журнала, я отвечал, что он умнее их и основательнее понимает вещи. Это могло до некоторой степени уменьшать число стеснительных для него столкновений. Этою заслугою перед ним я горжусь. Но не очень продолжительно было время, когда мое дружеское охранение от вмешательства стеснительных влияний могло быть нужно ему. Через год или меньше по начале его постоянного сотрудничества, к лету 1858 года или даже несколько раньше, ему уже не требовалось ничьей поддержки в этом отношении. Он уж имел преобладающее влияние в журнале».

* В корректуре после этих слов: «не подписывая своей фамилии, и за пределом нашего небольшого дружеского круга никому в литературе не было еще известно, что существует человек, имеющий фамилию Добролюбов».

** В корректуре после этих слов: «Во многих других на моем месте такие отзывы возбуждали бы зависть; иных, пожалуй, настроили бы к тому, чтобы стараться отгеснить или затереть Добролюбова. Я поступал наоборот, но в этом не вижу особенной доблести: я мог бы сообразить, что затереть такого человека мне не удастся, и старания об этом только выказали бы меня человеком слишком пошлым. Но ценю я себя за то, что не было мне надобности обуздывать такими соображениями внешние проявления зависти, потому что не было зависти, а была двойная радость: радость тем, что

веком между ними или даже вторым, или даже третьим» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, так тупы и глупы, чтобы не считать его первым человеком в своем кругу*. Но вы можете не поверить моему свидетельству. Сообщу же вам два из многих случаев, бывших со мной. Первый из них относится к концу 1858 г. Я сидел у г. Кавелина, в доме которого Добролюбов стал близким человеком с начала того года. «Странное дело, — сказал мне между прочим г. Кавелин, — я не могу чувствовать к Добролюбову того мирного расположения, как, например, к вам. Отчего это? образ мыслей у нас, повидимому, одинаков; а как человек он — превосходнейший человек; мое мнение о его сердце и характере доказывается тем, что я допустил его совершенно овладеть мыслями моего сына, чего не сделал бы, если б мог считать что-нибудь дурным в Добролюбове. Но отчего же я чувствую, что он совершенно чужд мне, между тем как, например, вы не вовсе чужды?» — Я сказал тогда: «Это оттого, что в Добролюбове нет тех слабостей и шаткостей в мыслях и характере, которые дают вам некоторые точки опоры, чтобы притягивать мой образ мыслей и поступков в некоторое согласие с вашими требованиями. Взгляд его тверже и яснее, чем у меня, потому не остается для вас возможности понимать его в вашем смысле, как можете вы в значительной степени делать с моим взглядом». — «Да, — сказал г. Кавелин с искренностью чувства, которое впечат к нему как к человеку, сколько бы ни желал иной раз посердиться на него, — да, — сказал он, — вот вы принадлежите к поколению, которое должно идти дальше нашего, а поколение Добролюбова должно находиться в таком же отношении к вашему; между нами и вами есть связь; между вами и ими тоже есть связь; а между нами и ими, видно, уже нет связи. Что ж делать? Это грустно для нас; но так нужно для прогресса». — Сходный с этим разговор имел я через несколько времени, в начале 1860 г., с г. Тургеневым. Это было на первом литературном чтении в пользу «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»⁹. Члены комитета этого общества и лица, участвовавшие в чтении, собрались в галлерейх, окружающих залу Пассажа, где происходило чтение. В одной из них случилось как-то остаться троим или четверым из нас, в том числе г. Тургеневу и мне. Он был тогда недоволен одною из статей Добролюбова и в заключенле

является человек, способный лучше меня служить общему делу, и тем, что мне случилось узнать и полюбить этого человека не только как общественного деятеля, но и как человека. Такое чувство относительно людей, подобных Добролюбову, надеюсь, никогда меня не покинет, да и теперь вновь я испытываю относительно одного человека. Но возвращаюсь к внешним фактам».

* В корректуре после этих слов: «Да и не мы одни, а все порядочные люди в литературном мире находили то же самое, как я уже имел честь сказать вам».

спора со мною о ней сказал: «Вас я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». — «Это оттого, — сказал я, — что Добролюбов умнее и взгляд на вещи у него яснее и тверже». — «Да, — отвечал он с добродушной шутливостью, которая очень привлекательна в нем, — да, вы — простая змея, а Добролюбов — очковая змея». Вот вам, милостивый государь, два случая, показывающие, как понимались отношения мои к Добролюбову. Вы можете видеть из них, что он давно уже считался самым полным представителем того направления, которое далеко не с такою определенностью и силою выражалось во мне.

Для совершенной точности определения должен я прибавить еще третье слово: и далеко не с такою непреклонностью. Для объяснения этой прибавки следует коснуться личных характеров Добролюбова и моего, насколько нужно для показания вам, как смешна ваша догадка, будто Добролюбов уступал мне энергиею природы. У меня характер уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное с мягкостью в личном обращении, может очаровывать моих знакомых; действительно ли очаровывает или возбуждает в них некоторую долю презрения, я не знаю. Но как бы то ни было, вы согласитесь, что при таком изгибающемся, податливом характере никак не могу я сравниваться энергиею чувства с людьми прямого и, сказать без церемоний, честного характера. В Добролюбове такого, как во мне, недостатка решительно не было.

Вот, милостивый государь, кончены мои объяснения для вас, и остается начинать заключительную часть письма с обычным ее содержанием, — изъявлением чувств пишущего к получающему письмо.*

Вы принудили меня в опровержение ваших вздорных соображений выставлять самому такие черты моей литературной деятельности и моего личного характера, которыми не слишком доволен я сам. Человек, принужденный выставлять свои слабости и недостатки, досадует на того, кто принудил его к этому.

Вы наговорили мне комплиментов, очень пошло отзываясь о статьях Добролюбова, которые лучше моих. Какое чувство должно было родиться во мне от этого? «Вот господин, который не в состоянии ценить действительно хорошего; а мои статьи он высоко ценит. Что же это значит? Есть молодцы, которым не нравится Гоголь; эти молодцы хвалят повести гр. Соллогуба¹⁰ и комедии г. Львова¹¹; неужели от подобного свойства моих статей произошли похвалы им со стороны г. З — на?» — Это неизбежное впечатление от вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

* В корректуре после этих слов: «если бы обнаруженные вами размеры знаний и сообразительности не показывали мне надобности изложить вам еще одну сторону дела, которая и без моих слов была бы ясна для».

А ведь по всему видно, что вы вовсе не хотели оскорблять меня, — напротив, вы ждали, что я буду очень доволен. Вы не могли сообразить, в какое положение меня ставите. Я проникаюсь состраданием к вашей умственной слабости.

Но сострадание мое, смешанное с досадою и чувством обиды, соединяется, — извините, это резкое слово, — соединяется с отвращением. Ругаясь над мертвым, льстить живому! Да, впрочем, понимали ли вы, что именно это вы делаете? ¹²